
Шпицбергенский вопрос и судьба русских угольных предприятий на архипелаге в 1917–1925 годах

Владимир Карелин

Особое внимание к Арктике, возникшее в мире в последние годы, связано с проблемами использования её богатейших минеральных и биоресурсов и геополитического соперничества¹. Частью этих проблем является шпицбергенский вопрос, который по ряду причин остаётся одним из тех, что интересен для современных специалистов по международному праву и международным отношениям. С этим вопросом неразрывно связана и малоизвестная страница отечественной истории – возникновение и деятельность первых русских угледобывающих предприятий на архипелаге в переходный период: от России царской к России советской.

До настоящего времени исследователи не ставили задачу подробно изучить политику, проводимую на архипелаге правительствами различных стран в связи с деловыми интересами и предпринимательской инициативой России, хотя усилиями занимавшихся смежной проблематикой специалистов и был создан значительный исследовательский «задел». Первые немногочисленные дореволюционные работы отечественных авторов, посвящённые Шпицбергену, носили в основном публицистический характер². В советских исследованиях и обобщающих трудах по истории географических открытий в Русской Арктике и освоения Северного морского пути шпицбергенский вопрос в политике царского правительства и деятельность первых русских угольных предприятий на архипелаге рассматривались как второстепенные сюжеты³.

Позже в работах специалистов по зарубежной истории проблема была охарактеризована лишь с точки зрения её воздействия на состояние и динамику начального этапа российско-норвежских отношений и только до лета 1914 г. Вопросы, касающиеся правительственной политики на Шпицбергене в годы

© 2014 г. В.А. Карелин

¹ См.: *Зианов В.К.* Баренцевоморская ошибка Президента. Мурманск, 1912.

² См., например: *Шидловский А.Ф.* Шпицберген в русской истории и литературе. Краткий исторический очерк плаваний и промыслов на Шпицбергене и подробный указатель литературы и архивных дел, относящихся к этим вопросам. СПб., 1912; *Идман К.Г.* Проект будущей организации Шпицбергена // *Известия МИД*. Кн. 1. Пг., 1916. С. 101–146; *Самойлович Р.Л.* Остров Шпицберген и первая русская научно-промышленная экспедиция. Архангельск, 1913.

³ *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948; *Белов М.И., Пинхенсон Д.М.* История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1–4. М., 1956–1969; *Белов М.И.* Путь через Ледовитый океан. М., 1963; *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. I–II. М., 1998–2001; *Русские морские экспедиции XVIII века*. М., 2001; *Старков В.Ф.* Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. I. М., 2002; *Пасецкий В.М.* «Геркулес» исчезает во льдах: жизнь и путешествия В.А. Русанова. Изд. 2, доп. М., 1961; *он же.* Шпицбергенский вопрос в начале XX века // *Русские арктические экспедиции XVII–XX вв.* Вопросы истории изучения и освоения Арктики / Под ред. М.И. Белова. Л., 1964. С. 65–67.

Первой мировой войны и работы отечественных угольных предприятий во время революционных событий 1917 г., исследователями не освещались⁴.

Другая группа учёных, изучив историко-юридические аспекты рассматриваемой проблемы в рамках международного права, опубликовала несколько работ, в которых были охарактеризованы политико-правовые аспекты статуса Шпицбергена (результаты этих изысканий будут важны при рассмотрении эволюции политики и деловых интересов России на архипелаге в начале XX столетия)⁵.

Среди новых исследований по истории отечественной угольной промышленности на Шпицбергене⁶ особое место занимают работы А.К. Порцеля, посвящённые тресту «Арктикуголь». Однако автор уделил основное внимание началу 1930-х гг., лишь затронув дореволюционную историю русских предприятий на архипелаге. Поэтому по-прежнему актуальными остаются посвящённые им исследования, основанные не только на отечественных источниках, но и на зарубежных, прежде всего норвежских⁷.

Цель настоящей статьи – показать, опираясь на новые исследования и архивные документы, как и почему в шпицбергенской политике руководителей Антанты в 1917–1920 гг. произошла радикальная смена курса в отношении правового статуса архипелага (в пользу передачи суверенитета над ним Норвегии) и оценить последствия этого решения для существовавших там русских угольных предприятий.

Геолого-разведочные работы и кустарную добычу угля на архипелаге до Первой мировой войны вели учёные и предприниматели Норвегии, России, Швеции и США. Однако механизированную добычу топлива в промышленных масштабах сумела организовать лишь американская компания («American Coal Co», АСС). В 1914 г. уровень её производства достиг примерно 50 тыс. т. А все-

⁴ *Бацис П.Э.* Русско-норвежские отношения в 1905–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Касиян А.С.* Россия и Норвегия, 1905–1914 гг.: Становление дипломатических отношений. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *он же.* Шпицбергенский вопрос в международной дипломатии накануне Первой мировой войны // IV Ушаковские чтения. Материалы научно-практической межрегиональной историко-краеведческой конференции памяти проф. И.Ф. Ушакова, 1–3 марта 2007. Мурманск, 2007; *он же.* А.Н. Крупенский и Б.Э. Нольде – российские делегаты на переговорах по Шпицбергенскому вопросу в Христиании (Норвегия, 1910–1912 годы) // Скандинавские чтения 2010 года. СПб., 2012. С. 261–271.

⁵ *Тимченко Л.Д., Буроменский М.В.* Международно-правовой статус Шпицбергена // Правоведение. 1990. № 3; *Орешенков А.М.* Особенности международно-правового режима Шпицбергена // Московский журнал международного права. 1992. № 3. С. 128–134; *он же.* Особенности суверенитета Норвегии над Шпицбергеном по Парижскому договору 1920 года // Там же. 2003. № 2. С. 121–142; *Вылежанин Н.А., Зиланов В.К.* Шпицберген: Правовой режим прилегающих морских районов. М., 2006; *Тарасов А.Г.* Правовые и политические аспекты разграничения морской территории в Западной Арктике. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Квицинский Ю.А., Штодина И.Ю.* К вопросу о международно-правовом режиме архипелага Шпицберген и прилегающих вод // Представительная власть – XXI век. 2007. № 3(76).

⁶ *Шабалина О.В.* Становление предприятий советской угольной промышленности на архипелаге Шпицберген по документам РГАЭ и ГА МО // Отечественные архивы. 2010. № 6. С. 38–48; *Порцель А.К.* От «Груманта» до «Арктикугля»: Очерки истории отечественной социально-экономической деятельности на Шпицбергене в XX веке. Мурманск, 2011; *он же.* Россия и Норвегия на Шпицбергене в XX веке: взгляд с российской стороны. Мурманск, 2012.

⁷ См.: *Карелин В.А.* Русские деловые интересы на Шпицбергене в начале XX века: лейтенант П.П. фон Веймарн и «Русская Шпицбергенская компания» // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 142–155; *он же.* Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген в 1905–1925 гг.: исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы (на фоне отношений с Норвегией). Архангельск, 2013.

го за время существования (1906–1915) она вывезла на континент 200 тыс. т угля. Остальные компании ограничивались разведкой и кустарной добычей, составлявшей от нескольких центнеров до нескольких тонн в год. Российские предприниматели до 1914 г. вывезли лишь незначительное количество угля для лабораторных испытаний.

К началу Первой мировой войны при поддержке царского правительства на Шпицбергене были зарегистрированы и действовали, находясь в российской юрисдикции, три угледобывающих предприятия: «Торговый дом “Груммант”» (с 1912 г.)⁸, «Русская Шпицбергенская компания» (с 1913–1914 гг.)⁹ и «Торговый дом “М. Левин и К°»» (с 1914 г.)¹⁰, которые вели свои работы кустарно. Ввиду стратегического значения архипелага МИД России важно было доказать само наличие там российских деловых интересов. Учредителям же необходимо было демонстрировать фактическое владение заявленными участками, однако привлечение крупных частных капиталов в производство оказалось для них трудноразрешимой задачей.

Война в сочетании с «топливным голодом» и острой проблемой снабжения углём Балтийского флота, военной промышленности и транспорта сфокусировала внимание российских властей на стратегическом значении Мурмана и приблизила хозяйственное освоение Кольского края. Важность арктической морской коммуникации с союзниками вызвала к жизни грандиозное строительство Мурманской железной дороги, торгового порта в Кольском заливе, создание Флотилии Северного Ледовитого океана. Развёртывание русскими предприятиями индустриальной по характеру и масштабам добычи каменного угля на Шпицбергене зависело целиком от поддержки казны. В итоге обсуждений и дискуссий в правительстве, Государственной думе и Особом совещании по топливу к началу 1917 г. в отношении этих предприятий были приняты важнейшие решения – утверждены их производственно-технический план и многомиллионная казённая ссуда, намечено установление правительственного контроля путём назначения в правление его представителей и учреждения инженерно-технического надзора на шахтах.

Оказанная таким образом государственная поддержка частных компаний на Шпицбергене означала, что Россия вплотную приблизилась к созданию собственной индустриальной базы угледобычи на архипелаге. В 1917 г. руководители «Русского Шпицбергенского акционерного общества» и «Торгового дома “Груммант”» планировали реализовать развёртывание своей производственно-технической деятельности, но успех пришёл с фатальным для проекта опозданием – до Февральской революции и свержения монархии в России оставалось всего несколько недель.

В отношении шпицбергенского вопроса как международной проблемы правительство царской России придерживалось тактики сохранения «ничейного» и демилитаризованного статуса архипелага при свободном доступе всех заинтересованных сторон к эксплуатации его природных богатств. Эти принципы признали все участники международных конференций в Христиании (1910, 1912, 1914). Однако утверждение проекта конвенции, закреплявшего ведущую

⁸ Преобразование «Торгового дома “Груммант, Агафелов и К°»» («Торговый дом “Груммант”») в акционерное общество было намечено, но завершить его не удалось.

⁹ «Русская Шпицбергенская компания» через год после основания была переименована в «Русское Шпицбергенское акционерное общество».

¹⁰ Учредителями «Торгового дома “М. Левин и К°»» были подданные Норвегии. См. подробнее: *Карелин В.А.* Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген... Гл. 5, 6.

роль России, Норвегии и Швеции в органах поддержания правопорядка на архипелаге, оказалось сорвано вследствие возникшей оппозиции со стороны США и Германии. De facto доступ к архипелагу накануне и во время войны контролировала Великобритания, чья военно-морская гегемония обеспечивала ей это преимущество¹¹.

Тогда в Великобритании действовало влиятельное шпицбергенское лобби. Английские компании, имевшие на архипелаге деловые интересы, а также несколько полярных исследователей, среди которых был известный историк М. Конвей (1856–1937), предлагали правительству если не аннексировать весь архипелаг, то, по крайней мере, оккупировать территории, занятые предпринимателями. Обоснованием, по их мнению, мог послужить указ короля Якова (Джеймса) I от 1614 г.¹² Однако официальный Лондон долгое время проявлял осторожность и сдержанность и на звучавшие ещё до войны призывы британской общественности к аннексии Шпицбергена не реагировал, не желая раздражать Россию – своего союзника по Антанте. Что, впрочем, вовсе не означало недооценку стратегического и экономического потенциала группы расположенных вблизи морских коммуникаций Англии и Северной Европы арктических островов.

Во время войны шпицбергенское лобби в Британии удвоило пропагандистские усилия. В 1916 г. «Северная исследовательская компания» («Northern Exploration Company», NEC¹³) и «Шотландский Шпицбергенский синдикат» («Scottish Spitsbergen syndicate») направили в Форин офис предложение реаннексии архипелага, мотивируя шаг политическими, стратегическими и экономическими интересами империи. Причём на их стороне выступили массовые издания лорда Нортклифа. Несколько раз вопрос поднимался в британском парламенте. NEC, игравшая в шпицбергенском лобби главную роль, опубликовала ряд памфлетов о невероятных минеральных богатствах островов, в 1918 г. осуществила на архипелаг экспедицию, участники которой впоследствии ярко описывали в британских изданиях перспективы добычи железной руды – более обещающие, чем на месторождениях в Северной Швеции.

Президент влиятельного в британском истеблишменте Королевского географического общества Т.Х. Холдич по поручению и во исполнение резолюции его Совета от 18 декабря 1916 г. обратился к министру иностранных дел лорду А.Дж. Бальфуру (1848–1930) с просьбой предпринять меры по защите британских интересов на архипелаге ещё до окончания войны¹⁴. Ответ министра (7 марта 1917 г.) был кратким и осторожным: немедленное решение шпицбергенского вопроса затруднительно, поскольку предполагало бы, во-первых, согласование его с представителями иностранных держав, а во-вторых, «в настоящий момент выдвигать его на первый план не целесообразно» (летом союзники планировали большое наступление, в котором важную, если не решающую роль отводили российской армии)¹⁵.

¹¹ См.: Там же. Гл. 4, 6.

¹² Mathisen T. Svalbard in international politics. 1871–1925. Oslo, 1954. P. 104–105.

¹³ Английская «Северная исследовательская компания», основана в 1910 г. для разведки и эксплуатации минеральных богатств Шпицбергена, активно действовала там накануне, во время и по окончании Первой мировой войны.

¹⁴ British Interests in Spitsbergen. The letter of the President of the R.G.S. to the Secretary of State for Foreign Affairs. Dated: 10 January 1917 (London) // The Geographical Journal. Vol. 51. № 4 (Apr., 1918). P. 245–248.

¹⁵ Ibid. P. 249.

Однако эхо революционных событий в России уже летом–осенью 1917 г. отозвалось изменением отношения к ней союзников. Как вспоминал в эмиграции бывший товарищ министра иностранных дел Б.Э. Нольде, «дата, когда нас стали скидывать со счетов относится к первым месяцам Временного правительства»¹⁶. В сентябре 1917 г. военный кабинет Великобритании уже всерьёз изучал перспективу заключения с Германией сепаратного мира за счёт России¹⁷. МИД Франции, в свою очередь, в марте 1918 г. впервые заявил, что поддерживает притязания Норвегии на Шпицберген, в октябре 1918 г. подтвердив эту позицию¹⁸.

После заключения германо-советского Брестского мирного договора (3 марта 1918 г.) «державы Согласия», к которым примкнули США, окончательно решили по-новому определить судьбу и правовой статус архипелага. Приблизился час «розыгрыша» шпицбергенского приза, о котором писал в своё время российский посланник в Норвегии А.Н. Крупенский¹⁹. Ни Россию, ни Германию к этому розыгрышу победители не допустили, что во многом и предопределило последующую судьбу русских угледобывающих предприятий на архипелаге.

В апреле 1918 г. в журнале британского Королевского географического общества была опубликована переписка с британским правительством. Во введении к публикации в качестве аргумента в пользу срочных действий, способных предупредить возможные угрозы, указывалась ст. 33 Брестского мирного договора. Посредством этого грабительского договора Германия вырвала у Советской России согласие на то, чтобы в будущей международной конференции по Шпицбергену действовать совместно в пользу принципа равных прав двух государств на участие в управлении архипелагом²⁰. Подчёркивая это обстоятельство, Совет Королевского географического общества оценивал перспективу участия Германии или России в контроле над островами Шпицбергенского архипелага как совершенно неприемлемую для интересов Британской империи. С тех пор в Англии развернулись публичные прения и горячие дискуссии с участием предпринимателей, журналистов, полярных исследователей и депутатов парламента вокруг стратегических выгод для обладающих Шпицбергеном государств²¹. В них втянулись печать и общественные круги Норвегии, Голландии и Дании.

Вскоре в Англии и Франции последовала дипломатическая подготовка поворота шпицбергенской политики, начавшаяся с зондажа намерений норвежского кабинета. В апреле 1918 г. французский и английский посланники в Христиании неофициально и устно (каждый самостоятельно) обратились к министру иностранных дел Норвегии Н.К. Илену (1855–1925) с запросом: не повлияло ли подписание в Бресте советско-германского мирного договора с упомянутой статьёй о Шпицбергене на позицию норвежского правительства. Министр ответил осторожно: его правительство не изменило своей прежней позиции и осталось сторонником проекта конвенции, пред-

¹⁶ Нольде Б.Э. Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930. С. 223.

¹⁷ The Mirage of Power. Vol. 3 / Ed. by C.R. Lowe, M.L. Dockrill. L., 1972. P. 583–587.

¹⁸ Фифе Р.Э. Предмет и цели договора о Шпицбергене (Свальбарде) с точки зрения международного морского права // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 177.

¹⁹ Hoover Institution. Archive. Russia. Missiia (Norway). Records, 1781–1924. Box 4. F. 2.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 182.

²¹ Mathiser T. Op. cit. P. 106–109.

ставленного тремя северными государствами на конференции в 1914 г.²² (такой же ответ получил на свой запрос и германский посланник²³). До окончания мировой войны и начала в России Гражданской войны политикам Христиании планы о норвежском суверенитете над архипелагом казались нереалистичными.

В октябре 1918 г., незадолго до подписания на Западном фронте перемирия с немцами, состоялась встреча ответственного сотрудника французского МИД Ф. Бертело (1866–1934) с норвежским посланником в Париже Фр.В. Ярлсбергом²⁴. После встречи посланник сообщил в Осло, что Бертело спрашивал его: каких компенсаций желает Норвегия при заключении союзниками мирного договора с Германией? Иными словами, победители открыто приглашали норвежское правительство участвовать в переустройстве мира. Ярлсберг ответил тогда Бертело, что он не имеет на этот счёт официальных инструкций из Христиании, но сам лично считает, что в качестве возмещения за потери, понесённые норвежским торговым флотом от действий немцев, его страна могла бы претендовать на передачу ей Шпицбергена²⁵, что было бы справедливым вознаграждением за услуги, оказанные ею Антанте (помимо этого он считал, что Норвегия имеет основания просить о передаче ей какой-нибудь германской колонии в Африке и даже об «исправлении» её северной границы с Россией). Эти слова Ярлсберга свидетельствовали о том, что та часть политической элиты, к которой он относился, под влиянием возникшей эйфории была готова выйти за рамки традиционно осторожной норвежской дипломатии. В эти октябрьские дни посланник писал видному государственному деятелю и своему единомышленнику В. Конову: «Мир будет поделён на многие сотни лет. Мы должны быть с ними (с победителями. – В.К.)»²⁶. Похожие донесения вскоре были получены норвежским МИД и от его посланников в Лондоне и Вашингтоне.

Для руководителей Антанты подобная реакция дипломата была ожидаемой, поскольку мечта о Шпицбергене после 1905 г. являлась в Норвегии общим настроением²⁷. Правительства Великобритании и США также неофициально дали понять властям в Христиании, что готовы благосклонно рассмотреть норвежскую просьбу о суверенитете над Шпицбергом²⁸. Только после этого комитет по внешней политике стортинга (парламента) Норвегии согласился с рекомендациями Ярлсберга по поводу Шпицбергена (его рассматривали вкупе с островом Медвежьим), отклонив его же предложение просить у Антанты ещё и бывшую германскую колонию в Африке.

Норвежское правительство готовилось представить вопрос о Шпицбергене на рассмотрение Парижской (Версальской) мирной конференции, начавшей

²² Все участники конференций по Шпицбергену (1910–1914) признали принцип «terra nullius» территории архипелага, его нейтральный и демилитаризованный статусы.

²³ *Singh E.C. The Spitsbergen (Svalbard) Question: United States Foreign Policy, 1907–1935. Oslo, 1980. P. 95.*

²⁴ Барон Фредерик Гартвиг Герман Ведель Ярлсберг (1855–1942), норвежский аристократ, юрист; занимал видные дипломатические посты на службе Шведско-Норвежского королевства. Позднее, в 1905 г., сыграл заметную роль в расторжении шведско-норвежской унии.

²⁵ Во время войны на море погибли около 2 тыс. моряков норвежского торгового флота и были потоплены около 900 судов (49% его общего состава).

²⁶ *Berg R. Spitsbergen-saken 1905–1925 // i Historisk tidsskrift. 1993. № 4. S. 472–486.*

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Singh E.C. Op. cit. P. 95.*

свою работу в январе 1919 г.²⁹ 10 апреля Верховному совету Антанты³⁰ был направлен доклад, в котором указывалось, что предвоенные попытки создания международной администрации, основанные на идее «ничейной земли», натолкнулись на непреодолимые трудности, поэтому «единственным удовлетворительным и окончательным решением является возвращение архипелага Норвегии»³¹.

Активную роль в подготовке вопроса продолжал играть, опираясь теперь уже на правительственную директиву, проникнутый оптимизмом посланник Ярлсберг. В то же время норвежское правительство оповестило о своей инициативе все заинтересованные государства (кроме России), чем вызвало немалое раздражение своих скандинавских соседей и Голландии. Но не эти малые европейские страны принимали на конференции решения, последнее слово оставалось за Великобританией, США и Францией, которая не проявляла к архипелагу существенного интереса.

7 июля 1919 г. Верховный совет Антанты рассмотрел обращение Норвегии и принял шпицбергенский вопрос к рассмотрению. Для этой цели по предложению американского представителя госсекретаря Р. Лансинга³² было решено учредить специальную комиссию, в которую вошли представители Англии, Франции, США и Италии. Им надлежало выработать соответствующий проект, который затем поступил бы на утверждение Верховного совета³³.

Споры в комиссии шли в основном вокруг вопроса: Норвегии будут даны права суверенитета или только мандат Лиги Наций на управление Шпицбергеном? Однако, несмотря на то, что работа комиссии растянулась на несколько недель, было совершенно понятно, каким будет результат. Решающей стала позиция американского правительства, поскольку в конце войны вес и влияние Америки преобладали. Между тем руководителей США настораживало возросшее после войны морское могущество Англии, давшее британцам после уничтожения германского военного флота небывалый перевес над всеми державами. Поэтому американский делегат Ф.К. Нильсен в противовес англичанам, которые склонялись к тому, чтобы предоставить Норвегии лишь мандат на управление архипелагом, решительно выступил в пользу более широкого её суверенитета над ним³⁴.

Важную роль в поддержке притязаний Христиании сыграла позиция госсекретаря США Р. Лансинга. В прошлом адвокат, он когда-то защищал интересы американской шпицбергенской компании Дж.М. Лонггира³⁵ и потому был хорошо знаком с делом. У американцев после продажи своих владений норвежцам в 1915–1916 гг. не было более самостоятельных экономических интересов на

²⁹ *Mathisen T.* Op. cit. P. 121.

³⁰ Верховный совет Антанты (Верховный союзный совет стран Антанты, «Совет пяти») – главный координирующий центр союзников (осень 1917 г. – середина 1920-х гг.); состоял из премьер-министров главных западноевропейских стран, входивших в Тройственное соглашение, а также представителей штабов Великобритании, Франции, Италии и США; выполнял функции «мирового правительства», решая судьбы послевоенного мира согласно воле победителей; влияние уменьшалось в связи с ростом авторитета Лиги Наций.

³¹ *Fuße P.Э.* Указ. соч. С. 173.

³² Роберт Лансинг (1864–1928), юрист, государственный секретарь США в 1915–1920 гг. в администрации президента В. Вильсона; на Шпицбергене – юридический консультант «Американской угольной компании» как специалист по международному праву.

³³ *Mathisen T.* Op. cit. P. 128.

³⁴ *Singh E.C.* Op. cit. P. 102–103.

³⁵ Дж.М. Лонггир – глава АСС на Шпицбергене в 1905–1915 гг.

островах. Зато в результате сделки часть её цены они получили долей в акциях «Большой Норвежской Шпицбергенской угольной компании» («Стуре Ношк»). 28 августа 1919 г. Шпицбергенская комиссия завершила работу, а 22 октября с выработанным ею проектом договора официально согласилось норвежское правительство.

Русские дипломаты, неофициально представлявшие на мирной конференции Белое движение, попытались оказать влияние на решение вышеназванной проблемы. Руководителем «Белой дипломатии» в качестве министра иностранных дел Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака и А.И. Деникина выступал С.Д. Сазонов, являвшийся одновременно членом Русского политического совещания в Париже³⁶. Однако возможности «белых дипломатов» оказались крайне ограничены зависимостью самого Белого движения от Антанты – их не допустили к участию в конференции и Шпицбергенской комиссии.

Тем не менее по указанию Сазонова в связи с обращённым к Антанте по поводу Шпицбергена меморандумом со стороны норвежского правительства с нотой в его адрес 11 марта 1919 г. выступил российский поверенный в делах в Христиании гр. Д.Ф. Коцебу-Пилар. Довольно резкий тон его обращения объяснялся сложившейся тогда военно-политической конъюнктурой – в первой половине марта на Восточном фронте колчаковские армии начали наступление, на которое и сами предводители антибольшевистских сил, и Антанта возлагали большие надежды³⁷. В частности, в ноте Коцебу говорилось, что «Норвегии не следует пытаться извлечь выгоды из временной слабости России», любое соглашение, принятое без участия и согласия русского правительства, признанного «цивилизованным миром, будет являться иллюзорным и станет рассматриваться русским народом как ничтожное и недействительное. Передача суверенитета над островами без согласия России в момент, когда она сама не может защитить свои интересы, была бы серьёзной ошибкой»³⁸. Однако эта попытка оказать давление на норвежцев и предупредить их дальнейшее движение в сторону приобретения суверенитета над архипелагом успехом не увенчалась. Вскоре члены Русского политического совещания признали неудачу и пошли на попятную, заявив, что «в принципе» будут удовлетворены принятием статьи, ограждавшей права и интересы русских предпринимателей на Шпицбергене³⁹.

Официально договор об архипелаге был подписан 9 февраля 1920 г. во французском МИД на Кэ д'Орсэ, в салоне «де л'Орлож». В процедуре подписания участвовали представители США, Франции, Великобритании, Дании, Норвегии, Голландии и Швеции, чуть позже – Японии и Италии. Договор начинался статьёй, торжественно провозглашавшей «полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген с Медвежьим островом»⁴⁰. Однако державы, похоже, лишь на словах были готовы передать Норвегии всю полноту суверенных прав на арктический архипелаг. Важнейшим положением договора стало закрепление их стратегических интересов (ст. 9). Шпицберген

³⁶ Русское политическое совещание в Париже создано в конце 1918 г. для международного представительства и проведения в жизнь внешнеполитического курса Белого движения.

³⁷ История внешней политики СССР 1917–1980. В 2 т. Т. 1. 1917–1945 гг. М., 1980. С. 106.

³⁸ Цит. по: Singh E.C. Op. cit. P. 98.

³⁹ Mathisen T. Op. cit. P. 132.

⁴⁰ Договор о Шпицбергене (подписан в Париже 9 февраля 1920 г.; вступил в силу для СССР 7 мая 1935 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. IX. М., 1938. С. 53–61.

провозглашался демилитаризованной территорией, на которой Норвегия обязалась «не создавать и не допускать создания какой-либо морской базы» и «не строить никаких укреплений». Эти земли, говорилось в документе, «никогда не должны быть использованы в военных целях». В итоге норвежский суверенитет способствовал обеспечению стратегического равновесия между великими державами⁴¹. Если иметь в виду лишь держав-победительниц и забыть о России и Германии, то с такой точкой зрения, пожалуй, можно согласиться.

Кроме того, в договоре перечислялись многочисленные сервитуты в пользу свободной хозяйственной, научной, коммерческой деятельности и судоходства иностранных граждан и компаний стран, подписавших договор или присоединившихся к нему. Например, в ст. 3 отмечалось: «Граждане всех Высоких Договаривающихся Сторон будут иметь одинаковый свободный доступ для любой цели и задачи в воды, фиорды и порты местностей... и право остановки в них; они могут заниматься в них, без каких-либо препятствий, при условии соблюдения местных законов и постановлений, всякими судоходными, промышленными, горными или торговыми операциями на условиях полного равенства. Они будут допущены на тех же условиях равенства к занятию всяким судоходным, промышленным, горным и коммерческим делом и к его эксплуатации, как на суше, так и в территориальных водах, причём не может быть создана никакая монополия в отношении чего-либо и в отношении какого бы то ни было предприятия».

Так подданные всех держав получили юридическую гарантию сохранения равных прав на эксплуатацию природных богатств архипелага как общедоступного владения, т.е. тех прав, которыми они уже пользовались до заключения Шпицбергенского договора. И в этом смысле они были равноправны как между собой, так и в сравнении с суверенными хозяевами архипелага – норвежцами. Ст. 7 в дополнение требовала, чтобы Норвегия предоставила всем «гражданам Высоких Договаривающихся Сторон» режим, основанный на полном равенстве «в отношении способов приобретения права собственности, пользования им и его осуществления, включая право заниматься горным делом»⁴².

Полномочия же Норвегии оказались, по сути, сведены преимущественно к функции управления, администрирования архипелагом. Однако и здесь были поставлены строгие рамки. Все взимаемые налоги, пошлины и сборы, говорилось в ст. 8, следовало употребить исключительно на нужды самого Шпицбергена. Они должны были устанавливаться норвежскими властями только в той мере, в которой это оправдывалось их назначением. Что же касается экспорта продукции горной промышленности, главной отрасли, интересующей творцов договора, то правительство Христиании лишилось права устанавливать таможенную пошлину выше 1%. Не удивительно, что радость, с которой норвежское общество встретило договор, затем сменилась разочарованием. Острые разногласия обнаружились даже в правительстве: министр юстиции О.Б. Халворсен выступил против подписания договора в том виде, который, по его мнению, ущемлял суверенитет и достоинство его страны.

Более того, получаемые Христианией выгоды могли против её ожиданий оказаться меньше затрат и рисков, вызванных из-за обладания новой колонией⁴³. Один из таких рисков был связан с «самым упорным соперником»

⁴¹ Фифе Р.Э. Указ. соч. С. 173.

⁴² Договор о Шпицбергене...

⁴³ Mathisen T. Op. cit. P. 143–145.

Норвегии в соревновании за контроль над архипелагом⁴⁴ – Россией. Изолированная и отстранённая тогда от решения судьбы архипелага, рано или поздно она должна была восстановить свои силы. Это обстоятельство учли привлечённые к разработке проекта крупные норвежские политики, дипломаты и юристы⁴⁵. Они включили в договор положения, создававшие гарантию присоединения к нему России и учитывающие экономические интересы русских предприятий, *de facto* уже действовавших на архипелаге: «В ожидании того, что признание Высокими Договаривающимися Державами Русского Правительства позволит России присоединиться к настоящему Договору, русские граждане и общества будут пользоваться теми же правами, что и граждане Высоких Договаривающихся Сторон» (ст. 10)⁴⁶.

Однако на практике положение «Русского Шпицбергенского акционерного общества» и «Торгового дома “Груммант”» оставалось крайне сложным не только во время интервенции Антанты, Гражданской войны, блокады Советской России, но и в последующие годы. Русские предприятия были лишены полноценной политической и правовой защиты со стороны своего государства, испытывали острую нехватку финансовых ресурсов и рабочей силы, не имели доступа к внутреннему российскому рынку. Заключение Шпицбергенского договора, отдавшего архипелаг под суверенитет Норвегии, ситуацию усложнило, поскольку права на русские угленосные площади юридически оспаривала «Стуре Ношк».

В наиболее непростой ситуации оказалось «Русское Шпицбергенское акционерное общество», которым руководил лейтенант флота П. фон Веймарн, ставший во время Гражданской войны военно-морским представителем адмирала Колчака в Норвегии⁴⁷. В 1918–1920 гг. ему удалось наладить полукустарную добычу угля в скромных размерах, позволявших сохранять предприятие и получать их владельцам некоторый доход. В 1919 г. компания, на копиях которой, судя по переписке П. фон Веймарна с А. Хулем⁴⁸, были заняты 140 рабочих (на зиму оставались 90), добыла и вывезла с архипелага 11 тыс. т угля, в 1920 г. – 13 тыс.⁴⁹

После того как союзники вознаградили Норвегию передачей ей Шпицбергена, а в России в Гражданской войне победили большевики, у частных русских предприятий на архипелаге перспектив более не осталось. П. фон Веймарн, видимо, понимал это и ещё в конце 1918 г. при посредничестве А. Хуля вёл пере-

⁴⁴ Berg R. A Norwegian policy for the north before World War I? // i Acta Borealia. 1994/1995. Vol. 11–12. P. 15.

⁴⁵ Среди них были Фредрик Станг (1867–1941), доктор юридических наук, профессор, министр юстиции (1912–1913), председатель комиссии по Шпицбергену, учреждённой «Стуре Ношк», ректор университета Осло (1921–1927); Арнольд Рэстад (1978–1945), правовед, специалист по морскому праву, министр иностранных дел (1921–1922) и представитель Норвегии в Лиге Наций.

⁴⁶ Договор о Шпицбергене...

⁴⁷ Такие полномочия в июне 1919 г. официально подтвердил морской министр правительства Колчака адмирал В.В. Ковалевский. Веймарн активно участвовал в работе «О.К.» – антисоветской разведывательной организации белых, созданной в Скандинавии на основе агентуры морского генерального штаба (RA. Utenriksdepartement. 224 G6-B-2/06; Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе. Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 509–510).

⁴⁸ Адольф Хуль (1879–1964), норвежский полярный исследователь, геолог, общественный деятель, сторонник присоединения Шпицбергена к Норвегии.

⁴⁹ Statsarkivet i Tromsø. Norsk Polar Institutt: 345. Box 34.

говору о продаже своего предприятия (с угольными площадями) норвежцам⁵⁰. В декабре 1918 г. А. Хуль писал Н.К. Илену: «Это одно из наилучших месторождений на Шпицбергене с запасами угля, оцениваемыми в 300 млн тонн... Покупателями должны стать граждане Норвегии, так как месторождение имеет большое экономическое и национальное значение для страны. В таком случае все угольные шахты на южной стороне Айсфиорда будут в собственности страны, норвежцы будут владеть всеми наиболее значительными месторождениями угля на Шпицбергене»⁵¹.

Стоимость месторождений «Русского Шпицбергенского акционерного общества» вместе с хозяйственными постройками оценили в 5 млн норвежских крон. Однако по неясным причинам сделка не состоялась. Возможно, частная, но имевшая сильную поддержку со стороны норвежского правительства, компания «Стуре Ношк» надеялась сбить цену продавца. 3 января 1920 г. на её копях произошёл сильнейший взрыв угольной пыли, унесший жизни 26 горняков и разрушивший шахту № 1. Повреждения оказались столь значительны, что она не подлежала восстановлению. Норвежская компания понесла огромные убытки и оказалась в глубоком кризисе. «Хорошие времена» для неё закончились⁵², и для поддержания производства ей понадобилась серьёзная финансовая поддержка.

Вероятно, поэтому в 1920 г. участки «Русского Шпицбергенского акционерного общества» были проданы не норвежцам, а созданной после войны на архипелаге голландской компании «Неспико»⁵³, впоследствии построившей здесь рабочий посёлок Баренцбург. В конце 1920-х гг. во время мирового экономического кризиса, когда многие владельцы вынуждены были в массовом порядке закрывать шахты, цены на эти участки «обрушились», и Советский Союз в 1932 г. выгодно приобрёл площади голландской компании, передав их затем в эксплуатацию тресту «Арктикуголь»⁵⁴.

По-иному сложилась судьба предприятия «Торгового дома “Груммант, Агафелов и К^о”». Владельцам пришлось защищать права собственности на угленосные участки от претензий американской угольной компании АСС, а после приобретения имущества и угленосных площадей «Стуре Ношк» – от норвежской. В её рекламных изданиях 1916 г. была помещена карта, где участки «Грумманта» оказались обозначены как принадлежавшие норвежцам. В ответ «полные члены» торгового дома А.Д. Арбузов, Е.Г. Шинкевич и А.Г. Агафелов 30 декабря 1916 г. направили в МИД записку с ходатайством о защите интересов русского предприятия⁵⁵. На соответствующее представление, сделанное по поручению министра иностранных дел Н.Н. Покровского русским посланником в Христиании, был получен ответ лишь 16 июня 1917 г.

⁵⁰ Посредничество не было бескорыстным. Хуль рассчитывал получить свои комиссионные в размере 2% от продажной цены.

⁵¹ Statsarkivet i Tromsø. Norsk Polar Institutt: 345. Box 34.

⁵² *Arlov T.B. Svalbard's historie. 2. utgav. 2003. S. 265. Tapir Akademisk Forlag, Trondheim* (URL: <http://cruisehandbook.npolar.no/en/isfjorden/barentsburg.html>).

⁵³ РГАЭ, ф. 466, оп. 1, д. 51, л. 6.

⁵⁴ Сам П. фон Веймарн уже не смог вернуться на родину и пополнил ряды эмигрантов. Средства, вырученные от продажи предприятия, помогли ему адаптироваться на чужбине. Когда ему было около 40 лет, в Осло он поступил в университет (изучал геологию) и успешно закончил его в звании магистра. Вместе с женой и двумя сыновьями в конце 1926 г. он получил гражданство Норвегии (RA. Det Kongelige Justis og Politi departament. JPD J № 06270 P/1926).

⁵⁵ РГАЭ, ф. 466, оп. 1, д. 48, л. 10–12.

(т.е. почти через полгода)⁵⁶. В частности, меморандум норвежской компании носил по форме вежливый, но, по существу, уклончивый характер и оправдывал действия «Стуре Ношк» тем, что она всего лишь «озабочена собиранием и изучением материалов относительно существования на интересующей её территории претензий». Более того, норвежская компания выражала готовность войти в сношение с претендентами «для полюбовного разрешения споров», сохраняя, однако, «за собой право в своё время вновь вернуться к затронутому перепиской предмету».

В 1916–1917 гг. «Груммант» в силу условий военного и революционного времени никаких работ на архипелаге вести не мог. Поэтому назначенный его директором-распорядителем горный инженер Г.М. Нахимсон⁵⁷ лишь в 1918 г. возобновил усилия, направленные к тому, чтобы добиться поддержки государства в этом споре. 11 ноября он направил письменный запрос в русскую миссию в Христиании. Летом 1919 г., прибыв на архипелаг, он вновь поднял русский флаг на участках «Грумманта» и организовал вместе с прибывшими с ним рабочими техническую подготовку к добыче угля. Здесь Нахимсон при обходе границы «концессии» близ долины Бьерндален обнаружил, что работники «Стуре Ношк» по «ордеру» норвежской компании вели на русском участке поверхностные раскопки с целью поиска угольного пласта. Один из заявочных столбов «Грумманта» даже был отброшен в сторону, что стало основанием для обращения Нахимсона в российскую дипломатическую миссию 25 июля с повторной жалобой и просьбой защитить права русских⁵⁸.

Однако непосредственно после Октябрьской революции положение в Христиании русских дипломатов, отказавшихся признать советское правительство и уволенных им со службы, было шатким. Норвежский МИД общался с ними лишь на неофициальном уровне. Воздерживаясь с января 1918 г. от всякой переписки с миссией (что могло быть истолковано как признание того, что она представляет Россию), норвежское дипломатическое ведомство поддерживало с ней контакты только *de facto*⁵⁹.

Во время наибольших успехов белых в России (1919) норвежское правительство заняло осторожную, выжидательную позицию, но дипломатическую миссию в Христиании, представлявшую «верховного правителя России», официально так и не признали ни Антанты, ни Норвегия. В 1920 г., когда стал очевиден крах Белого движения, в беседе с членом советской торговой миссии М.М. Литвиновым министр иностранных дел Норвегии К.Ф. Мишле⁶⁰ решительно заявил, что хотя его страна ещё не может признать советское правительство, она не признаёт также находившихся в ней представителей «старого режима»⁶¹ (Д.Ф. Коцебу-Пилар, К.Д. Набоков, барон Л.Р. Розен тяжело переживали своё двусмысленное и унижительное положение⁶²).

⁵⁶ Там же, л. 13.

⁵⁷ Нахимсон Григорий Михайлович, горный инженер, статский советник; в 1911 г. защитил дипломную работу «Материалы к изучению девонских отложений Мугоджарских гор» в Томском технологическом институте.

⁵⁸ РГАЭ, ф. 466, оп. 1, д. 48, л. 14–15.

⁵⁹ Советско-норвежские отношения. 1917–1945. Сборник документов. М., 1997. С. 18.

⁶⁰ Кристиан Фредерик Мишле (1863–1927), юрист и политический деятель (партия «Хейре»), министр иностранных дел Норвегии с 21 июня 1920 г. по 22 июня 1921 г.

⁶¹ Советско-норвежские отношения... С. 50.

⁶² ГА РФ, ф. Р-6094, оп. 1, д. 101, л. 1.

В таких условиях руководители «Торгового дома «Груммант»», не надеясь на эффективную защиту своих интересов со стороны дипломатов, привлекли к участию в предприятии английский капитал и перерегистрировали свою компанию в Лондоне как акционерное общество «Англо-русский Грумант», оставив за собой основную долю акций и представительство в правлении⁶³. Тем самым предприятие обеспечило себе защиту со стороны властей Великобритании, упрочив тем самым своё юридическое положение. Однако перспективы его экономического развития оставались неблагоприятными, даже несмотря на высокое качество добываемого угля, неплохую конъюнктуру цен на топливном рынке и упавшие после войны фрахты.

Причины заключались в том, что Норвегия, Швеция и Голландия, наученные горьким опытом блокадной политики Антанты, ущемлявшей интересы торговли «северных нейтралов», всячески старались способствовать бурному развитию угледобычи на арктическом архипелаге, чтобы в будущем не допустить своей зависимости со стороны Англии или Германии. Все предприятия-конкуренты «Грумманта», действовавшие на Шпицбергене во время войны и после её окончания, опирались на поддержку своих правительств, проявлявшуюся в разных формах: гарантированные заказы для национальной железнодорожной сети и судоходства; выдача крупных льготных авансов под будущие поставки угля, что решало проблему формирования оборотного капитала, и участие государства в акционерном капитале предприятий; прямые субсидии «своим» компаниям⁶⁴. Ничем подобным не мог воспользоваться «Англо-русский Грумант». По признанию Нахимсона, он был «пока самым малым» из действовавших на архипелаге предприятий. В 1921 г. компания вывезла на материк всего лишь 6 тыс. т угля, в 1922 г. – 7 тыс. т, что было в десять раз (!) меньше того объёма, который экспортировало шведское предприятие «Свеа Груман» («Svea Gruman AB»)⁶⁵. «Англо-русский Грумант», вынужденный завозить на архипелаг всё снабжение из Северной Норвегии и нанимать на рудники местных шахтёров, по условиям, поставленным норвежскими властями, обязывался весь добытый уголь сбывать на сравнительно небольшом рынке Норвегии. Выходом из такого положения могли стать лишь гарантированные и регулярные поставки угольной продукции на Русский Север, а также доступ к советскому рынку рабочей силы и дешёвым источникам снабжения. В самой Советской России, изнурённой многолетней войной и блокадой, повсеместно ощущался угольный голод, особенно на севере. После окончания в феврале 1920 г. Гражданской войны и бегства остатков белых из Архангельска в Норвегию проблема снабжения на Мурманском побережье лесозаготовок, судоходства, железной дороги, электростанций и портового хозяйства углём, а населения – продовольствием, крайне обострилась. Не исключалась даже такая чрезвычайная мера, как временная эвакуация населения Мурманска, которому для поддержания полноценной хозяйственной жизни требовалось около 110 тыс. т угля в год, в то время как весной 1920 г. оставалось всего 90 т⁶⁶. В последующих усилиях наладить поставки шпицбергенского угля на Север России большую роль сыграл Р.Л. Самойлович, назначенный в 1920 г. начальником Северной научно-промышленной

⁶³ РГАЭ, ф. 466, оп. 1, д. 49, л. 25–48. Устав АО «Англо-русский Грумант» (Лондон) утверждён 4 мая 1920 г.

⁶⁴ Там же, л. 7.

⁶⁵ Там же, д. 51, л. 7.

⁶⁶ Там же, ф. 413, оп. 2, д. 388, л. 55.

экспедиции, которой предстояло провести комплексные научные исследования для развития местных производительных сил⁶⁷. Уже в апреле Самойлович выступил с инициативой организовать в навигацию 1920 г. экспедицию на архипелаг с целью осведомления об отношениях с Норвегией после заключения Шпицбергенского договора, знакомства с общим положением каменноугольной промышленности на островах, но главным образом с ситуацией, сложившейся для русских угольных предприятий. Не исключалась также возможность организации на коях «Англо-русского Груманта» заготовок минерального топлива и закупок готовой продукции.

В непростых условиях Самойлович реализовал свой план, заручился поддержкой не только местных совнархоза и губревкома, но и, что важнее, руководства Наркомата иностранных дел (НКВД) и Наркомата внешней торговли (НКВТ) РСФСР. В сентябре 1920 г. он побывал на Шпицбергене и встретился с Г.М. Нахимсоном. Директор-распорядитель «Англо-русского Груманта» охотно предложил ему в дальнейшем встретиться в любом норвежском городе для обсуждения вопросов сотрудничества, в том числе и противодействия «незаконным притязаниям» «Стуре Ношк»⁶⁸.

Так в Советской России стало известно, что иностранные компании (при участии английских и немецких капиталов) развернули на архипелаге большую производственную работу. Это были прежние и недавно созданные каменноугольные предприятия, в том числе норвежские «Стуре Ношк», «Кингсбэй кулкомпани» из Олесунда, «Ден Ношк кулфелът» из Бергена, голландская компания «Исфиорд» и шведская «Свеа груве». Продолжилась на архипелаге и разведочная деятельность английских обществ «Northern Exploration Co» и «Scottish Spitsbergen Syndicate». Самойлович выяснил, что русские деловые начинания здесь были или ликвидированы, как, например, проданная голландцам компания Веймарна, или всё ещё продолжали борьбу за выживание, как «Англо-русский Грумант» (преобразованная в смешанное англо-русское общество компания искала любую возможность прорваться на ёмкий российский рынок, стремясь к деловому партнёрству с советскими властями).

Полученные Самойловичем сведения стали основой его доклада «Современная угольная промышленность на Шпицбергене», с которым он выступил 11 октября 1920 г. в помещении Архангельского губернского совнархоза⁶⁹. Продолжая поддерживать связь с Нахимсоном и получая от него информацию о конъюнктуре цен, фрахтах и обо всём, что происходило в угольной промышленности на архипелаге (её суммарная мощность в 1922 г. достигла 300 тыс. т топлива⁷⁰), Самойлович весь собранный материал направлял в НКВД и НКВТ РСФСР.

18 декабря 1920 г. от имени президиума Северной научно-промысловой экспедиции он направил в НКВТ РСФСР аналитическую записку с обоснова-

⁶⁷ Решением президиума ВСНХ 4 марта 1920 г. была учреждена Северная научно-промысловая экспедиция, в состав которой вошли крупнейшие учёные и исследователи того времени. Более 200 специалистов были объединены в 23 отряда и направлены в различные районы Европейского Севера. Исследованиями было охвачено около 40% площади Советской России – Белое, Карское, Баренцево моря, большеземельная тундра, район Печоры, берега Оби, Кольский полуостров, хребет Пай-Хой (начали разработку ухтинской нефти, добыли первый уголь на Печоре, открыли апатито-нефелиновые руды Кольского полуострова).

⁶⁸ РГАЭ, ф. 466, оп. 1, д. 47, л. 13, 15.

⁶⁹ Там же, л. 23.

⁷⁰ Там же, д. 51, л. 1. 5–8.

нием необходимости использования для нужд подъёма производительных сил Севера разработку угольных месторождений Шпицбергена⁷¹. Это была детально проработанная программа действий, выполнение которой, по его мнению, обеспечило бы поставку с шахт «Груманта» в Архангельск уже в 1921 г. 20 тыс. т шпицбергенского угля. «Простой расчёт говорит, – доказывал Самойлович, – что для нас гораздо выгоднее при условии своей рабочей силы и собственного тоннажа вывезти уголь со Шпицбергена своими средствами, чем закупать его по весьма высоким ценам в Америке... Следует также принять во внимание, что за уголь мы можем платить лесом в виде пробсов и балансов (круглый лес определённых типо-размеров и назначений. – В.К.), нужных на Шпицбергене и употребляемых нередко на дрова в Архангельске»⁷². Автор предлагал доставить на архипелаг в навигацию 1921 г. 250 русских рабочих и задействовать в перевозке угля пять пароходов.

Эта записка послужила причиной созыва в Москве 5 января 1921 г. секретного межведомственного (НКВД и НКВТ РСФСР) совещания (председательствовал заместитель наркома внешней торговли А.М. Лежава⁷³, участвовали Р.Л. Самойлович, докладчик и представитель ВСНХ; А.В. Сабанин от НКВД; В.А. Воронежский от импортного управления НКВТ⁷⁴). Принципиальное значение имел п. 1 принятого на совещании постановления: «На Шпицбергене необходимо иметь источник снабжения России углём». Для выполнения принятого решения предлагалось «приобрести собственные участки», но «параллельно вести переговоры с какой-либо группой, владеющей участком на Шпицбергене, которая могла бы быть зависима от нас»⁷⁵. Так был открыт путь к дальнейшим переговорам с хозяевами «Англо-русского Груманта», которые завершились в 1923 г. созданием смешанного общества «Русский Грумант», где партнёром и совладельцем с советской стороны выступил трест «Северолес»⁷⁶.

Слишком длинный переговорный путь объяснялся тем, что советское правительство первоначально категорически отказалось признавать Шпицбергенский договор, который нарушал неотъемлемые права и интересы России на архипелаге (12 февраля 1920 г. по этому поводу в Христианию была направлена нота протеста, подписанная наркомом иностранных дел РСФСР Г.В. Чичериным⁷⁷).

Затем понадобились четыре года, чтобы урегулировать эту непростую проблему в советско-норвежских отношениях. «Ценой» длительных и сложных двусторонних переговоров стало дипломатическое признание Советской России со стороны Норвегии (1924), а также заключение между двумя странами общего торгового соглашения. Это являлось тогда приоритетной задачей советской

⁷¹ Там же, д. 48, л. 5, 5 об.

⁷² Там же, л. 5 об.

⁷³ Лежава Андрей Матвеевич (1870–1937), участник революционного движения, в советское время государственный деятель; в 1919–1920 гг. председатель Центросоюза, в 1920–1922 гг. заместитель наркома внешней торговли РСФСР, в 1922–1923 гг. председатель Комиссии по внутренней торговле при СТО РСФСР и СССР (1923–1924), с мая 1924 г. нарком внутренней торговли СССР, в декабре – заместитель председателя СНК РСФСР и председателя Госплана РСФСР (до 1930 г.). Репрессирован в 1937 г.

⁷⁴ РГАЭ, ф. 466, оп. 1, д. 48, л. 7.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Трест «Северолес» создан постановлением СТО РСФСР в 1921 г. для управления лесной промышленностью Северо-Беломорского экономического района и восстановления лесоэкспорта.

⁷⁷ Советско-норвежские отношения... С. 35–36.

дипломатии. 4 февраля 1924 г. советский торгпред в Норвегии А.М. Коллонтай вручила К.Ф. Мишле ноту советского правительства, в которой выражалось формальное признание суверенитета Норвегии над Шпицбергенем⁷⁸. Вскоре СССР официально изъявил желание присоединиться к Шпицбергенскому договору, что давало возможность для непосредственной эксплуатации горных богатств архипелага⁷⁹.

После принятия в Христиании в 1925 г. горного устава Шпицбергена⁸⁰, одобренного участниками Парижского договора и гарантировавшего права всех других государств, чьи подданные занимались эксплуатацией минеральных богатств архипелага, Шпицбергенский договор был, наконец, ратифицирован. В том же году он вступил в силу, и острова вошли в состав Норвежского королевства. А в 1931 г., когда вследствие мирового экономического кризиса произошло закрытие многих иностранных шахт на Шпицбергене, для СССР, переживавшего тогда бурный рост молодой индустрии, в том числе на Кольском Севере, сложилась выгодная ценовая конъюнктура, и советская сторона полностью выкупила акции общества «Русский Грумант»⁸¹. Как следствие этих и некоторых других приобретений трест «Арктикуголь» в 1932 г. стал собственником четырёх угольных участков общей площадью 251 кв. км. На них располагались три крупных каменноугольных месторождения: «Грумантское», «Баренцбургское» и «Гора Пирамида». Уже в довоенный период на них было добыто в общей сложности 3 млн т угля. Таким образом, в состав активов треста «Арктикуголь» вошли угленосные площади первых русских угольных предприятий на Шпицбергене. Они стали надёжной ресурсной базой добычи минерального топлива в промышленных масштабах – крупным советским предприятием, продукция которого с успехом служила как задаче хозяйственного подъёма северного региона СССР, так и геополитическим интересам Советского Союза и современной России.

⁷⁸ Там же. С. 122–123.

⁷⁹ Там же. С. 151.

⁸⁰ В утверждённом стортингом в 1925 г. Горном уставе Шпицбергена, свидетельствует современный норвежский геолог-эксперт А. Орхейм, была видна «тяжёлая рука» Р. Лансинга, чьей заботой было сохранить на будущее в интересах крупного американского бизнеса доступ к эксплуатации и исследованиям минеральных богатств архипелага (URL: <http://www.cprm.gov.br/331GC/1340445.html>).

⁸¹ Советско-норвежские отношения... С. 151.